

ЯИЧНИЦА НА СОЛНЦЕ

Жили-были дед и баба, и была у них курочка ряба, и снесла курочка яичко не простое, а золотое, мышка бежала, хвостиком задела, яичко покатилося, упало и разбилось...

...да только в избе той пол был земляной, как и в любой хате долівка, а дед — Дидо был не бедовером, а благовером: верил не в беду, а во благо — не стал плакать, схватил деревянную ложку с сучком, а на сучке листиком, наклонился к разбитому яйцу, чей желток сиял солнышком меж двух половинок скорлупы не изумрудной, не золотой, а простой, зачерпнул его и кликнул бабку:

— Милая! Миску мигом подавай!

А бабка молодухой, бывало, то коня на скаку остановит, то из горящей избы ребятишек с котятами вытащит, из-за яйца тоже не плачет, нюни не распускает — мигом обернулась, еще по ходу на куру шумнула:

— Чё раскудахталась, рыжая? Кыш в курятник, там петух!

Подставила бабка — Бабец миску деревянную, лесным узором расписанную, дед и бултых— туда желток, а на полу белок остался, Дидо за ним наклонился — ему поклонился, а в белке другой желток солнцем ясным выкатывается, Дидо и его загребает.

Видит это Бабец — бабка, кличет внучку:

— Милая! Неси миску!

Внучка — внученька подбегает, миску, лесным узором расписанную, подставляет, Дидо хлоп в неё желток, белок, а из земли снова желток, точно гриб боровик в золотой шляпке, поднимается.

Бабка да тем часом в ушат сосновый бултыхнула свое яйцо, молока парного из кувшина плеснула, да мешалкой стала размешивать.

А Дидо снова земле поклоняется, еще один желток — жизни росток ложкой зачерпывает, видит это внученька-внучка, кличет Жучку:

— Милая! Тащи Дидо миску!

Жучка хватает в зубы свою миску, из полена выдолбленную, и мчится к Дидо — уши к голове прижались, тот в нее еще желток кидает.

Внучка свое яйцо в ушат сосновый выплескивает, бабка Бабец молока еще подливает и уже мутовкой пахтает.

А из земли снова желток поднимается, будто каравай в печи. Видит это Жучка, кличет Мурку киску:

— Милая! Неси свою миску!

Мурка свою деревянную плошку двумя лапами обняла, к Дидо тремя семимильными шагами на задних лапах в сапогах подбежала — яйцо в ее миску, как мяч в корзину попало: Дидо желток-белок ей в миску ловко бросил. У него уже новое яйцо без пленки, без скорлупы из земли встает, сияет, что твой подсолнух в летний день.

Киска кличет свою подружку — мышку-норушку:

— Милая! Тащи твою кружку! — а сама к бабке, свой желток-белок в ушат сосновый выливает, Бабец в него молочка из кувшина плескает, и дальше пахтает.

Мышка же хвост свой, как лассо, за ручку кружки деревянной обвивает и тащит Дидо. Точь-в-точь успевает подставить, чтобы он еще одно яйцо сбросил — солнышко в кружку попало, не то пропало б, по земляному полу расплзлось.

А у Дидо новый желток из земли всходит, лучи уже, как руки, вытянул, а пригоршни его полны золота.

Мышка клич бросает залетной птичке перелетной:

— Милая, неси свою поилку!

И птичка в оконце влетела с лепестком кувшинки в клюве, лепесток перед Дидо на земляной пол-долівку опустила, тот еще один желток на него водружает — желтое на желтом, как император в короне на золотом троне восседает.

И тут земля облегченно вздыхает, парок от нее теплый превозносится. Дидо утомился, на скамью отдохнуть опустился. Внучка берет лепесток и несет на нем желток в ушат, мышка та сама свой приво-

локла в кружке, привязанной к хвосту. Внучка с лепестка желток в ушат выкатывает, бабка молока доливает, пахтает так, что пена теперь через край ушата пенится.

А лепесток стал целою кувшинкой, а миски, кружка, да плошка расписные или просто из полена выдолбленные, листиками да цветочками колокольчиками зацвели да запахи. А сама ложка, та, какой Дидо желтки черпал, зацвела целым букетом полевых трав, цветов, колосков.

Три петуха трижды прокукарекали, солнце яркое на небо вышло — значит, они всю ночь желтки спасали, да и не заметили!

— Ох, — выдохнул Дидо, — вертелся, подобно белке в колесе, желток в белке да молоке!

Бабка на раскрытое оконце сковородку выставила, масла теплого на нее бросила, оно расплавилось, зарумянилось, бабка замес на молоке и яйцах на него шварк — выплеснула, а солнце лучами припекает, яичницу испекает.

И они все: Дидо, Бабец, внучка, Жучка, Мурка, мышка, птичка — всемером тучею за столом навалились на пышную яичницу, на парном молоке пахтанную, на солнцепеке печенную, да солью земли соленую, за обе щеки уплели да подчистую и смели.

Солнце сияло из нового золота, лучами счастья заливало лес, рощу, опушку, село-деревню, пол, избушку. Дидо расплылся в улыбке:

— Солнце и Колесо Фортуны так схожи...

А Бабец добавила:

— Просто на одну рожу.

САМОВАР И САМОБРАНКА

Жили-были люди добрые. Жили они по священным законам добра: сам погибай, а сородича выручай, кто рано встает, тому Бог подает, гость в дом — Бог в дом. И дом их всегда был открыт для странников. Уставший путник находил у них и ковш чистой воды, и ночлег, и стол, накрытый скатертью-самобранкой, на которой царил и княжил самовар. Чем только ни угощала самобранка: и пирогами с кулебяками, и борейскими щами — борщами с кашей масляной, и запеканками творожными с вишнями, и овощами с фруктами и прочими продуктами. Гостю отдавали то, что отдавали бы силам всевышнем, а согласно молитве, предначальствующей трапезе, во имя славы их и принимается вся пища человеком.

Самый великий странник — Время. Оно идет всегда, все это знают, но никогда, никто не видел. И вот шёл-шёл этот невидимый

странник Время и привёл за собой людей недобрых, прямо скажем, злых, коварных и злодейских. Постучали они однажды в дверь добрых людей, ели, пили, скатертью восхищались и, как стемнело, спать улеглись. Только хозяйева добродее заснули сном младенца, которым спят все, у кого совесть и печень чиста, гости незваные тихо встали, скатерть-самобранку свернули и в свою котомку уложили. Хотели и самовар прихватить, да тяжёл батюшка царь-самовар, не поднять, пупок не надорвав. И убрались они восвояси воровато на цыпочках, чтоб хозяев не разбудить.

Утром по солнышку те проснулись, а скатерть-самобранку, как ветром сдуло или корова языком слизала. Остался на столе один самовар.

Людей тех добрых давно нет. Про самобранку забыли, только в царстве сказки о ней и помнят, а пока помнят, сказывают. Но она-то была настоящая скатерть-самобранка. Самовар помнит.

Послесловие.

Водну из этих ночей в брошенный ресторан знакомых забрались воры, вынесли тестомешалку, которая необходима для изготовления пирогов, кулебяк и иных мучных изделий, хотели взять кофеварку — эдакий современный самовар, да почему-то бросили на полпути к выходу. Аль неподъёмная? Дело было, как сказано, ночью, пока люди добрые спали.

Вот и выходит, что жанр этого этюда — не сказка, не притча, не стихотворение в прозе, а вещь послание. Знать бы заранее...